

РИЯ УЛЛУ

18+

Отцу
МОЕЙ ПОДРУГИ
ЗАПРЕТНАЯ СВЯЗЬ

Рия Уллу

**Отец моей подруги.
Запретная связь**

«Автор»

2026

Уллу Р.

Отец моей подруги. Запретная связь / Р. Уллу — «Автор», 2026

Я стояла перед ним, дрожа. Александр шагнул так близко, что запах краски вскружил голову. Его пальцы скользнули по ткани у моего бедра, холодные и уверенные.— Это не искусство, — сказал он, и вдруг весь шёлк рухнул к ногам. Я застыла, беззащитная. Но он не рисовал. Он просто смотрел и прожигал меня взглядом.— Вот теперь ты живая, — сказал он, а я поняла: здесь, в мастерской, где пахнет грехом и сандалом, не будет прежней Аси. Будет только та, что научится трепетать под его кистью — и лгать себе, что это всё ради «искусства». Под уговорами своей подруги, я согласилась поехать с ней в загородную мастерскую к её отцу, что бы побыть натурщицей для его картин. Но все пошло не по плану, и я — влюбилась. Уголь заскользил по бумаге, я не знала, что опаснее — его взгляд или то, что где-то между нами зажглось... и это уже не потушить. От автора: ТВОРЧЕСКИЙ МУЖЧИНА НЕЖНАЯ ФИАЛКА КРАСИВАЯ ЭРОТИКА ХЭППИ ЭНД

© Уллу Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Харизматичное чудовище	5
Глава 2. Обнажая душу и тело	8
Глава 3. Просто почувствуй	11
Глава 4. Искусство рождается в хаосе	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Рия Уллу

Отец моей подруги. Запретная связь

Глава 1. Харизматичное чудовище

Ася

Лето встретило нас зноем, который плавился в маковом мареве над полями. Я вышла из машины, поправляя соломенную шляпку, и вдохнула воздух, густой от запаха сосен и нагретой земли.

Огромный дом семьи Мирас стоял на пригорке, будто выросший из самой земли — новый, но почему-то с облупившейся голубой краской на деревянных рамах окон. Мастерская, пристроенная сбоку, сверкала на солнце полностью стеклянной стеной, словно ледяной кристалл.

— Асенька, не робей! — Варя выбравшись из машины за мной следом, схватила мою руку, смеясь. Её рыжие кудри взметнулись на ветру, как языки пламени. — Отдохнём! Папа обещал озеро показать. Там лебеди... романтика!

Я улыбнулась подруге. Варя, всегда бойкая и эмоциональная каким-то чудом уговорила меня, поехать вместе с ней в загородный дом её отца, что бы стать натурщицей для его картины. Он у неё художник, — профессионал, судя по её восторженным рассказам, но я все равно сомневалась.

Позирование перед незнакомым мужчиной, пусть и художником, вызывало во мне странное беспокойство. Что, если он окажется неприятным? Или картина получится неудачной? Впрочем, Варя обещала незабываемые выходные, и я, устав от городской суеты, решила рискнуть.

Костя, парень Варвары, молча выгружал чемоданы, кивая в ответ на мою благодарность. Вика - наша третья подруга, шелестя длинным шифоновым платьем, уже кружила вокруг дома, будто искала вход в запретный сад.

— Ты уверена, что он вообще хочет гостей? — она бросила через плечо, поправляя прядь чёрных волос. — Мне кажется, мы нас тут вообще не ждут.

— Не ждут? — фыркнула Варя. — Папа порой неделями не выходит из мастерской. Мы для него будем как глоток воздуха.

— Варя, — окликнул подругу из тени мастерской низкий голос.

К нам вышел высокий мужчина, вытирая кисти о холщовый фартук. Мужественный, широкоплечий, с чуть растрёпанными волосами, он казался вытесанным из того же дерева, что и дом. Лицо его было подчёркнуто выразительными скулами, а резкая линия челюсти, была скрыта бородой.

Когда он двинулся вперёд, его походка выдавала бывшего спортсмена — лёгкая, пружинистая, с едва уловимым вызовом. В нём было что-то дикое, неприрученное, и я бы никогда не подумала, что такой человек, может заниматься изобразительным искусством.

Его глаза, серые и острые, скользнули по мне, и я невольно выпрямила спину — годы в балетной школе превратили осанку в рефлекс. Но в его взгляде было что-то ещё: не оценка, а почти осязаемый интерес.

— Пап, это Ася, — Варя подтолкнула меня вперёд, нарушая тишину, что повисла между нами. — Это с ней я хотела тебя познакомить. Идеальная, скажи же?

— Александр. — Он представился и немного прищурился, продолжая изучать меня.

— А это Вика, я тебе про неё тоже говорила. Ну и с Костей вы знакомы.

Но мужчина все ещё не отводил от меня взгляда. И это немного настораживало. Я и сама была словно зачарована.

— У тебя идеальные линии... для картины, — произнёс он наконец, и я почувствовала, что мне стало очень жарко, щеки начали предательски краснеть. Его голос прокатился низким бархатом, задев что-то глубоко внутри.

— Я... я раньше занималась балетом, — пролепетала я, сжимая ручку чемодана. — Поэтому Варя подумала, что я смогу...

— Ты сможешь, — перебила подруга, закатывая глаза. — Пап, хватит гипнотизировать. Мы же договорились — работа строго по часам. Сейчас мы отдыхаем.

Александр не ответил, и будто нехотя, отвёл от меня взгляд, развернувшись к мастерской. Вика, словно вынырнув из воздуха, скользнула к нему, положив руку на его локоть.

— Александр, а вы покажете свои работы? Я обожаю искусство! — Её голос стал медовым, но он аккуратно высвободился, даже не взглянув.

— Покажу. Вы можете увидеть их внутри. Варя, пойдём покажешь гостям их комнаты.

Варя пошла первой, и завела нас в дом, где пахло сухими травами. Все было довольно обычным, единственное, что выдавало профессию хозяина, так это портреты — женщины, отражающие совершенно различные эмоции. По самим картинам было бы сложно узнать, кто именно на них был изображён, но в каждой угадывалась какая-то своя особенность. И это — завораживало.

— Это мама, — Варя кивнула на портрет над камином. На нем улыбалась женщина в белом платье, её силуэт растворялся в дымке, будто она вот-вот исчезнет.

Я замерла, пытаюсь поймать взгляд, который казался живым, но Александр, проходя мимо, остановился рядом.

— Она была балериной, — сказал он неожиданно, и я почувствовала, как его рука едва касается моей спины, указывая на холст. — Как и ты.

Его пальцы, шершавые от краски, поднялись выше, коснулись моего плеча на долю секунды — будто случайно. Но этого хватило, чтобы по спине пробежали мурашки.

— К сожалению, я не настоящая балерина, — выдохнула я, не решаясь повернуть голову. — И ни когда не стану ей из-за травмы.

— Как бы тебе сказать... — он усмехнулся, и в уголках его глаз собрались морщинки, смягчая резкость черт. — Балет — это навсегда. Даже без пуантов, даже без сцены. Это чувство, это стремление, эта грация... Она остаётся с тобой...

Он не договорил, исчезнув в коридоре, оставив после себя шлейф запаха масляных красок.

— Ну как? — Варя толкнула меня локтем, когда мы поднимались по лестнице. — Я же говорила — он харизматичное чудовище и вы поладите.

— Чудовище? — я фальшиво засмеялась, пряча дрожь в голосе.

— Ага. Завораживает, а потом съедает. Будь осторожна, — она прищурилась, но в её тоне звучала шутка. Или нет? — Он всегда такой, можно сказать, что видит людей... по-другому.

— У твоего отца явно нет вкуса. — Недовольно произнесла Вика, поднимаясь вслед за нами. — Он не рассмотрел моей красоты.

— Ой, Вика, не переживай! — хихикнула Варя. — Папа просто ищет музу, а не модель для модного журнала. Ты слишком совершенна для его кисти — он бы запутался в деталях!

По комнатам мы распределились довольно быстро. Разобрав чемодан, я упала на кровать и устала в потолок. Отец Вари не выходил у меня из головы.

Его образ, его слова, его манера держать себя — все это было неожиданным, не таким, каким я его себе представляла. В нем чувствовалась скрытая сила, и я невольно задавала себе вопрос: а кто он на самом деле? И это его внимательный взгляд...

Я чувствовала, как жар разливается по телу, и неожиданно возникшее влечение вызывало одновременно и трепет, и смущение.

Неужели я влюбилась...

В отца своей подруги?

Глава 2. Обнажая душу и тело

Александр

Если честно, я не думал, что затея Вари окажется удачной. Создание абсолютно новой картины к выставке — конечно, это подогреет интерес публики. Но вот то, что выбор модели может оказаться неверным...

Сомнения рассеялись сразу, как только я её увидел.

Стоя у окна мастерской, я наблюдал, как к дому подъезжает машина. Из неё буквально выпорхнула она — соломенная шляпка, тонкая талия. Юбка облегала бёдра, будто вторя изгибам.

Хрупкая. Нежная. Словно фарфоровая кукла.

Инстинктивно сжал кисть так, что дерево затрещало. Захотелось схватить её и спрятать в своём логове, где никто не посмеет дотронуться до неё, кроме меня. Чтобы каждый её вздох оставался здесь, в красках на холсте и на моих ладонях.

— Пап, это Ася, — Варя подтолкнула её ко мне, а та вжала плечи, будто пыталась стать невидимкой. Глаза — слишком большие для такого лица, голубые. В них читалось всё: страх, любопытство и интерес.

— У тебя идеальные линии... для набросков, — бросил я, нарочито медленно оглядывая её с ног до головы. Она вспыхнула, алая краска залила щёки. Хорошо. Пусть стыдится. Пусть дрожит. Я хочу прочувствовать каждую её эмоцию.

Проводив всех в дом, я вернулся в мастерскую. Нужно было побыть одному, что бы отделаться от навязчивых мыслей. Иногда на меня накатывало такое состояние, когда идея практически зудела под кожей, заставляя творить. Это было похоже на головокружение, когда кто-то или что-то настолько вдохновляло на работу, что ты был готов забыть о времени и пространстве.

Сел за мольберт. Кисть сама поползла по холсту — мазок алый, как её губы.

Ещё.

Синий, как прожилки на её запястьях, когда она сжимала чемодан.

Золотой — отсвет соломенной шляпки в лучах заката.

Мой мозг вновь погрузился в воспоминания, словно на экране проносились кадры из моего воображения.

Я не писал. Я вырывал из себя эмоции, чтобы они не сожрали меня изнутри.

Но выходило все совсем не то, что я хотел. Разочарованный, убрал незаконченный портрет в сторону. Достал чистый холст. Задумался о том, что на самом деле хочу выразить.

Время перестало существовать.

Луна уже висела над соснами, когда за спиной что-то грохнуло.

— Ой! — её голос, сдавленный, как будто она прикусила язык.

Обернулся. Она стояла у двери, прижимая к груди упавшую подставку для кистей. В свете лампы казалась призраком в своём кардигане, поверх белой ночнушке, волосы распущены. Рот приоткрыт в немом вздохе, из которого не вырвалось ни звука, но в её глазах читалось мгновение растерянности и лёгкий испуг.

— Всё в порядке? — спросил я, стараясь придать голосу немного спокойствия, хотя сам был поражён её невольным появлением.

— Я... я стучала, — прошептала она. — Вы не ответили.

— Потому что не ждал гостей, — бросил я, вставая.

Она сделала шаг назад, но я уже подошёл вплотную. Навис сверху.

— Хотела посмотреть, как старик малюет? Или может, решила позировать ночью? — спросил я, стараясь сохранять спокойствие в голосе, хотя внутри возникло другое чувство — непонятное волнение.

— Нет! Я просто... — её голос зазвучал спешно и она потянулась к двери, но я перегородил путь.

— Просто что? — наклонился, вдыхая запах её волос.

Она инстинктивно обхватила себя руками, будто защищаясь от меня, но взгляд не опустила, и я заметил, как в её глазах загорается уверенность.

Значит, в тебе есть ещё и характер, а не только внешность.

— Мне не спалось и я увидела, что у вас тут горит свет. И решила прийти пообщаться. — Она гордо вскинула голову, хоть и было видно, что ей неловко признаваться. — Если вы все же решите использовать меня в качестве натурщицы, то я бы хотела узнать, как проходит процесс.

— Понятно. — только и смог произнести я, чтобы не выдать своего удивления.

— Но если я вам мешаю, то сейчас уйду... — добавила она, и в её голосе проскользнуло что-то похожее на обиду.

— Постой, — остановил я, осознав, что не хочу её отпускать. — Ты можешь остаться.

Она замерла, а потом медленно кивнула.

— Мастерская чем-то похожа на музей, — сказал я, отходя от неё и давая рассмотреть помещение. — Здесь всё живое. Краски дышат, уголь кричит, а модели... — я бросил взгляд на неё, — модели должны уметь молчать.

Она кивнула, обходя помещение и обводя взглядом стеллажи с банками пигментов, папки с эскизами, пятна на полу. Её пальцы дрожали, когда она прикоснулась к шарнирной модели человека на полке.

— Обычно начинаю с эскизов, — продолжил я, намеренно приближаясь. — Ищу линии. Точки напряжения. То, что скрыто под кожей. — Моя рука невольно потянулась к её плечу, но я сдержался, указав на стул у мольберта. — Модель должна быть... откровенна.

Она прикусила губу, внимательно слушая меня.

— Хочешь попробовать? — спросил я, доставая уголь. — Чтобы понять, как это.

— Сейчас? — её голос дрогнул, но она выпрямилась. — Хорошо.

— Тогда раздевайся, Ася.

— Что? — она замерла на месте.

— Варя тебе разве не говорила, как я работаю? — я скрестил руки, наблюдая, как её зрачки расширяются.

— Она сказала, что вы обнажаете душу и тело, — голос её стал резче. — Но я не думала, что это так... буквально.

— Да, верно. А если ещё точнее, то я выражаю душу через тело. Или ты думала, я буду рисовать твои банты и рюшечки?

Она сглотнула, пальцы вцепились в края кардигана. Я видел, как под тонкой тканью шевелятся рёбра — дышит часто, поверхностно.

— Это часть работы, Ася, — бросил я, разминая уголь в пальцах. Чёрная пыль въедалась в кожу.

— Я...

— Стесняешься? Стыдишься? Да, я не святой. Но я художник. Мои глаза видят иначе.

Она замерла. В горле прокатился комок, шея покрылась мурашками. Я ждал — боялся? — что она бросится прочь.

Но она медленно стянула сначала кофту, а потом потянула за лямку ночнушки. Ткань сползла с плеча, обнажив ключицу.

— Всё, — прошептала она.

— Всё? — я засмеялся, но смех вышел хриплым. — Это не раздевание. Это стриптиз для монастыря.

— Я... не могу...

— Тогда, я сделаю это за тебя.

Глава 3. Просто почувствуй

Ася

Александр стоял неподвижно, его глаза пожирали меня, но не как прежде — холодным взглядом художника. Теперь в них горел иной огонь — дикий, первобытный, от которого внутри всё сжималось в тугой узел и таяло одновременно, будто я стояла слишком близко к бушующему пламени.

Тишина повисла густым бархатом, тяжёлым и давящим. Сквозь неё пробивалось лишь наше дыхание — его, тяжёлое и ровное, и моё, сбивчивое, едва слышное. Каждая секунда длилась будто целую вечность.

— Я не смогу сама... — голос сорвался с губ, едва слышный, будто чужой. — Мне не хватает решимости.

Признание в собственной слабости обожгло горло. Я ждала насмешки, грубости, но он шагнул ближе, и пространство между нами наполнилось жаром. Это было то, чего он, казалось, ждал — момент моей полной уязвимости. В его глазах мелькнуло что-то неуловимое — не просто желание, но и властное предвкушение.

— Тогда позволь мне подарить тебе её, — слова прозвучали как обещание и как приговор одновременно. — Закрой глаза.

Неопределённость была страшнее любой очевидной угрозы. Но, словно под гипнозом, я послушалась, медленно опуская веки, отдавая себя во власть этого момента. Он не спрашивал, он приказывал, его слова обладали силой, которой невозможно было сопротивляться.

Прикосновения, тёплые и сильные, едва коснулись моего предплечья, и по руке, а затем и по всему телу, побежали мурашки — не от холода, а от внезапной, пугающей близости.

Темнота обострила чувства. Каждый звук стал громче, каждый запах насыщеннее: сандал и масла окутали меня своим ароматом, скрип половиц под его шагами, шелест одежды, когда он обошёл меня сзади. Его дыхание коснулось шеи, губы — мягко, почти невесомо — прижались к мочке уха.

— Просто почувствуй, — шёпот скользнул в кровь растекаясь по венам. — Как по телу поднимается то, что ты годами прятала.

Пальцы легли на плечи — сначала кончиками, едва касаясь, будто рисовали невидимые узоры. Затем, чуть сильнее, увереннее, плавно спускаясь к ключицам, очерчивая их изгибы.

Каждое движение оставляло след — не на коже, а где-то глубже, будто он касался струн, о которых я не подозревала и они отзывались вибрацией, поднимавшейся из самого нутра.

— Дыши глубоко, — прошептал он, и губы его коснулись места, где пульс бился, как сумасшедший.

Его руки скользнули вверх, обвивая шею, и проводя по линии горла. Я инстинктивно подалась назад, чувствуя, как спина касается его груди. Тепло растекалось по жилам, смешиваясь с дрожью.

Я ощущала биение его сердца сквозь ткань рубашки — оно было сильным, размеренным, но в нём тоже ощущалось растущее напряжение. Мы стояли, прижавшись друг к другу, в полумраке мастерской, и мир за пределами этого момента перестал существовать. Остались только мы.

— Чувствуешь? — его голос послал новую волну дрожи по телу. — Твоя женственность — она не в позах, не в шёлке. Она здесь.

— Да... — выдохнула я, но тело уже не слушалось разума, оно отвечало само — прогибом в спине, когда он коснулся нежных изгибов рёбер, очерчивая их с почти болезненной нежностью. Тихим стоном, когда он огладила бедра, задерживаясь на их округлости.

Глаза оставались закрытыми, но я видела его — каждую морщинку у губ, тень густых ресниц, падающую на резкие скулы. Его руки вновь поднялись выше и заскользили по талии, поднимаясь к лёгким, обходя грудь, словно лепили меня заново из глины.

Мужская ладонь легла на живот, медленно мучительно неторопливо поползла вниз, пересекая невидимую границу, остановившись у самого края тонкого белья под ночнушкой. Он не торопился, продолжая водить по коже.

— Александр... — имя сорвалось стоном, когда его губы поцелуями прошлись по шее.

Я уже чувствовала себя обнажённой под его взглядом, под его прикосновениями, хотя одежда всё ещё была на мне. Границы стирались, и оставалось только это всепоглощающее, нарастающее чувство, которое грозило смести меня с ног.

Его пальцы скользнули под подол моей одежды. Ткань зашелестела, поднимаясь выше колен. Я зажмурилась сильнее, когда его ладонь легла поверх тонкого белья, уже промокшего от стыдливой влаги.

— Расслабься, — он прижал руку сильнее, заставив меня выгнуться.

Воздух перехватило. Каждое прикосновение било током — нежно, предательски нежно. Он выписывал круги, то замедляясь, то ускоряясь, будто дразня. Мышцы живота дёргались, ноги дрожали, но он не останавливался, пока я не застонала — громко, протяжно, прося большего.

И в один миг ткань белья съехала вбок. Холодный воздух в мастерской обжёг интимность, но тут же его фаланги — тёплые, влажные от моего же желания — коснулись то самой точки.

Я почти вскрикнула, но звук потерялся и так и остался в горле. Он целовал мои плечи жадно, чуть прикусывая кожу, а пальцы продолжали свой танец — бесконечность, пауза, снова бесконечность. Ритм всё увеличивался, заставляя дрожать от переполнявших меня ощущений.

Горячая буря из возбуждения поднималась от пяток, сжимая живот, выжимая воздух из лёгких.

— Александр, я... — начала, но не смогла закончить.

Я будто упала.

Упала в пропасть из огня и света, где тело взорвалось миллионом искр. Судорожно вцепилась в его запястье, пока волны оргазма били всё сильнее, вымывая стыд, страх, всё, кроме него самого.

Я не кричала. Из горла не вырвалось ни звука. Только беззвучно открывала рот, судорожно, тяжело хватая воздух. Тело обмякло в его руках, утратив всякое сопротивление, став податливым и беспомощным. А он не отпускал. Его сильные руки обвили меня, обнимая.

— Открой глаза, — скомандовал он и мягко отстранился, когда дыхание перестало дробиться на части, вернув себе подобие нормы.

Я открыла. Александр уже стоял у мольберта, точно так же, как когда я только вошла. Он выглядел совершенно спокойным, сосредоточенным, будто ничего не случилось, будто только что не ласкал меня, заставляя плавиться в его руках. Эта внезапная отстранённость поразила меня не меньше, чем его прикосновения.

— Запомни это ощущение, — сказал он, вновь беря в руки кусок угля. Его взгляд скользнул по холсту, а не по мне. Художник вернулся. — И приходи завтра.

Но когда я шла к двери, все ещё находясь в какой-то прострации, его голос догнал:

— И, Ася... — обернувшись, я встретила серьёзный взгляд. — Завтра — без одежды.

Слова повисли в воздухе, совершенно неоспоримые. Они были сказаны не с похотью, а с требовательностью творца, который наконец нашёл свою музу и теперь готов использовать все её грани.

Дверь за мной захлопнулась, но жар во мне остался — призрак, который будет греть меня до рассвета.

Глава 4. Искусство рождается в хаосе

Ася

Дождь барабанил по крыше, превращая дом в гигантский резонатор. Я прикрыла окно в коридоре, когда мимо промелькнула Вика — босиком, с растрёпанными волосами, таща за собой плед.

— И зачем я сюда вообще поехала? — её голос, нарочито громкий, донёсся из гостиной. — Здесь даже нормального Wi-Fi нет!

Она швырнула подушку в диван, устроилась у камина и достала телефон, яростно листая ленту. Алый лак на ногтях мелькал, как сигнальные огоньки. Потом вдруг замерла, уставившись на портрет Вариной матери над очагом.

— Ну и что в ней особенного? — пробормотала она, но поправила причёску.

Из кухни донеслись смешок и шёпот. Варя с Костей копошились у раковины — она мыла посуду после завтрака, а он, обняв её за талию, целовал в висок, пока она ворчала:

— Костя, дай закончить! И папа, кстати, ещё не завтракал. Опять всю ночь торчал в мастерской — голодный наверное. Сейчас все доделаю и отнесу ему еду.

— Он взрослый, если надо будет, сам найдёт свой салат и тосты, — он перехватил губку из её рук, и вода брызнула на её одежду.

— Эй, это моя любимая кофта!

— Зато теперь с ароматом лимона, — Костя ухмыльнулся, а Варя, фыркнув, шлёпнула его полотенцем.

Они напоминали пару воркующих голубей — она в очках, сползших на кончик носа, он с прядью волос, выбившейся из-за уха. Но за этим баловством сквозила привычная нежность — как у тех, кто давно научился читать мысли друг друга без слов.

— Вику опять колбасит, — Варя кивнула в сторону гостиной, понизив голос. — Ась, думаешь, она в конце концов поймёт, что папа не её тип?

Я пожала плечами, не зная что ответить

— Я думал, что это её обычное состояние. Ну и будем честны, твой отец — не подходит для простой смертной стервы, — Костя усмехнулся, вытирая тарелку. — Он как мистер Дарси из «Гордости и предубеждения» — всемогущий и недостижимый.

— Ага, только вместо фехтовальной шпаги — кисти.

Их смех растворился в шуме дождя. Я шикнула на них, но было поздно — Вика, уже все слышала, громко вздохнула и потянулась к бутылке вина на журнальном столике.

— Весело вам, а я между прочим страдаю от неразделенной любви! Но думаю, это должно скрасить этот адский вечер, — провозгласила она из гостиной, наливая бокал до краёв.

— Вик, сейчас вообще-то утро. — сказала я наиграно осуждающе, подсаживаясь к ней на диван.

— Я знаю. Но моё сердце разбито, а ты... — Она повернулась и увидев в моих руках, фужер довольно хмыкнула. — ...а ты меня поддерживаешь!

Она налила мне белого вина, и, откинувшись на подушки, я просто смотрела, как горит огонь в камине. Пламя танцевало, как будто под собственную музыку, бросая тени на стены и создавая атмосферу уюта, в которой, казалось, можно забыть обо всём.

Но о том, что произошло прошлой ночью в мастерской, я забыть не могла. Я покраснела, почувствовав, как тепло разливается то ли от глотка алкоголя, то ли от воспоминаний, и всё, что было, вновь заполнило меня — напряжение, дрожь, желание.

Вдалеке раздался гремющий звук грома, и дождь снаружи дома, словно обиженный, разошёлся яростнее.

— Ну и погода. — недовольно пробурчала Вика. — Я думала, мы отдохнём, позагорает. А с такой погодой только и остаётся, что сидеть дома!

Но ни Варя, ни Костя не отреагировали. Они уже устроились на подоконнике с ноутбуком, листая каталоги картин для выставки.

— Вот эту повесим в слева от центра, — Варя тыкала пальцем в экран. — А эту лучше ближе к углу.

— Хочешь, выставить все по плавно по цветам? Что-то типа градиента? Я угадал?

— Ты как всегда понимаешь мои задумки. — Она чмокнула его в щеку.

— Если хотите лобызаться, то пожалуйста, делайте это в своей комнате! — Крикнула Вика. — У нас тут клуб одиночек и я прошу не портить нашу вечеринку.

Гром загрохотал снова, будто небо раскалывалось надвое и я, почему-то, вздрогнула.

— Ась, все в порядке? — Вика повернулась ко мне. — Ты вся красная.

— От вина, наверное, — соврала я, опуская взгляд и отставляя бокал.

Я встала, подошла к входной двери и прижала ладонь к холодному стеклу витража.

— Завтра всё равно будет солнечно, — пробормотала Варя, щёлкая кнопками ноутбука. — Как раз погоду смотрю. Так что, Вика, ты завтра сможешь позагорать. И думаю, мы сможем даже искупаться.

— Так тут всё-таки есть нормальный интернет! Пароль, срочно пароль! — Вика соскочила со своего места, бросившись к ребятам.

Костя обнял Варю за плечи, шепча что-то на ухо. Она рассмеялась, звонко, как колокольчик. Видимо, Вике придётся повозиться с тем, что бы добыть информацию о паре цифр, что бы она могла выйти в сеть.

Я улыбнулась. Все же, ребята были очень близки и эти их взаимные шалости никого не обижали, а только забавляли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.